

ПРЕДЕЛЫ ГНОСЕОЛОГИИ ¹⁾.

(Основная антиномія теоріи знанія).

1. Къ какимъ бы теоретико-познавательнымъ заключеніямъ ни приходилъ изслѣдователь знанія, безспорно то, что исходить каждому должно изъ одного, общаго для всѣхъ теорій знанія начала, а именно изъ содержащагося въ самомъ актѣ знанія раздвоенія его на субъектъ и объектъ знанія.

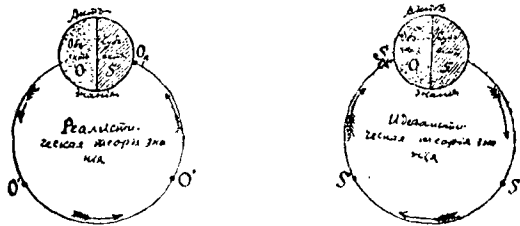
2. Раздвоеніе акта знанія на субъектъ знанія и на объектъ знанія—эта первичная двойственность, въ сущности, и составляетъ предметъ изслѣдованія гносеологии. Это—тотъ *ritum prugiens*, то зудящее мѣсто, которое раздражаетъ философствующее сознаніе и вызываетъ, въ отвѣтъ себѣ, движеніе философской мысли. Двойственность, характеризующая актъ знанія, она-то и служитъ въ теоріи знанія началомъ Аристотелевскаго „изумленія“, отъ котораго зачинается и которымъ живетъ философія. Поэтому, понятно, что истинное назначеніе теоріи знанія—прекратить этотъ зудъ, сорвать съ раздвоенности акта знанія ореолъ изумительности,—придумать для мысли такія рессоры, на которыхъ она могла бы двигаться по пути знанія, не испытывая толчковъ отъ двоящейся области своего изслѣдованія.

Уничтожить фактически-данную двойственность—это значитъ оба момента ея привести къ одному. Теорія знанія есть и должна быть монистической, и въ этомъ сходятся всѣ попытки дать такую теорію,—съ тою только разницею, что однѣ открыто несутъ предъ собою монистическое знамя, а другія

¹⁾ Изъ читаннаго въ 1908-мъ и 1909-мъ годахъ студентамъ Московской Духовной Академіи курса „Введеніе въ исторію античной философіи“.

пытаются осуществить монизмъ подѣ прикрытие дѣвизовъ мѣнѣ рѣшительныхъ.

3. Отвлеченно говоря, есть два направленія мысли, слѣдующимъ которымъ можно надѣяться достигнуть желаннаго. Число „два“ опредѣляется количествомъ данныхъ въ самомъ актѣ знанія началъ для ходовъ мысли. Путь же третій, къ которому должно обратиться лишь послѣ неудачи на этихъ двухъ путяхъ, существенно связанъ съ требованіемъ новой дѣйствительности, а потому долженъ быть путемъ къ преобразованію дѣйствительности и, слѣдовательно, уже не можетъ считаться только-теоретическимъ.

4. Первый теоретико-познавательный путь исходитъ изъ объективнаго момента знанія, считая объектъ O за нѣчто непосредственно извѣстное. Рядомъ преобразованій этого O и надстроекъ надъ нимъ (O' , O'' и т. д.), теорія знанія, на пути $OO'O'\beta O\beta$, обогащаетъ понятіе O все новыми и новыми признаками. Когда комплексъ этихъ признаковъ β достигнетъ надлежащей сложности, тогда теорія знанія рассматриваемаго типа приравниваетъ $O\beta$ другому моменту акта знанія, субъекту S , и тѣмъ достигаетъ уничтоженія S , какъ первичной данности. Первоначально равно-правные, O и S теряютъ эту равноправность: O оказывается чѣмъ-то первичнымъ, во что гносеология вѣрится, а S —вторичнымъ, что она знаетъ. Итакъ, есть, въ сущности, только O и его видоизмѣненія: $O', O'', \dots O\beta=S$. Такъ субъектъ дедуцированъ изъ объекта, на чемъ задача теоріи знанія можетъ считаться законченной. Этотъ типъ теоріи знанія, въ зависимости отъ характера пути и чистоты конечныхъ результатовъ, носить различныя имена: сенсуализма, позитивизма, феноменализма, реализма, эмпирио-критицизма, имманентизма; но наиболѣе отчетливымъ и послѣдовательнымъ его выраженіемъ въ исторіи мысли должно признать интуитивизмъ или мистическій эмпиризмъ, развиваемый Н. О. Лосскимъ.

Второй теоретико-познавательный путь какъ разъ обра-

тень предыдущему, ибо исходитъ изъ субъективнаго момента знанія, S, и, рядомъ преобразованій этого S въ S', S'' и, наконецъ въ S_α, обогативъ его совокупностью признаковъ α, приходитъ къ такому видоизмѣненію субъекта, которое считаетъ возможнымъ приравнять объекту, O. Такимъ образомъ, здѣсь объектъ дедуцируется изъ субъекта, и на этой дедукці задачу теоріи знанія опять можно считать законченной. Этотъ типъ теоріи знанія, опять таки имѣетъ много различныхъ осуществленій и, въ зависимости отъ вида пути и отъ чистоты достигнутыхъ результатовъ, носитъ названія идеализма, рационализма, панлогизма и т. п. Одна изъ наиболѣе совершенныхъ формъ его, послѣ Гегелевской, — та система панметодизма, которую развиваетъ Герм. Когенъ и его ближайшіе ученики.

5. Разные виды реализма—съ одной стороны и рационализма—съ другой образуютъ двѣ параллельныя линіи, ограничивающія область той теоріи знанія, которая желаетъ оставаться въ предѣлахъ человѣческой данности и исключаетъ возможность новыхъ опытовъ и откровеній иныхъ міровъ. Не будучи въ состояніи ни околпательно выбрать себѣ тотъ или другой путь, ибо теорія знанія существенно основана на вѣрѣ,—либо въ не-Я, либо въ Я—, ни придумать новый путь, теорія знанія оказывается заключенной въ эти предѣлы, которые начертала ей ея вѣра въ дѣйствительность или, точнѣе, ея невѣріе въ высшіе міры. Равно-возможность субъективныхъ и объективныхъ построеній въ области теоріи знанія—это основная антиномія науки о знаніи, и рѣшеніе этой антиноміи можетъ быть найдено лишь внѣ поля зрѣнія гуманизма. Но, чтобы представить Вамъ эту антиномію выпуклѣе, я попытаюсь обрисовать бѣглыми штрихами самую суть этихъ двухъ направленій гносеологіи. Задаваться цѣлью исторически-точно излагать то или другое ученіе мы не будемъ, но постараемся, скорѣе, выразить духъ ихъ построеній. Не связывая себя опредѣленными именами и книгами, мы дадимъ вариацию на темы, заданныя рационализмомъ и реализмомъ и постараемся уяснить, что каждое изъ направленій оправдываетъ свой уголъ зрѣнія,—если только принята исходная точка его.

Итакъ, какъ же отвѣчаетъ на основной вопросъ о знаніи теорія знанія того и другого типа?

І.—Рационализмъ.

6. Что такое—**знаніе**? Чтобы отвѣтить на этотъ основной вопросъ ¹⁾, для этого надо указать такой признакъ знанія, который присущъ всякой познавательной дѣятельности. Надо охарактеризовать знаніе вообще, знаніе какъ таковое. Или, другими словами, мы должны сказать, что мы знаемъ о знаніи?

Что же мы знаемъ о знаніи?—Прежде всего, мы знаемъ о знаніи то, что оно не есть незнаніе. Мы знаемъ, что знаніе неравно незнанію. Когда я знаю, то я—не незнаю, и я знаю, что я не незнаю. Знаніе знаетъ о себѣ, т. е. знаетъ, что оно есть именно знаніе, а не что-либо иное; т. е. знаніе знаетъ о себѣ прежде всего чрезъ противоположеніе себя незнанію. Противоположить знанію незнаніе есть единственный способъ узнать, что такое знаніе.—Вамъ, вѣроятно, кажутся всѣ эти разсужденія слишкомъ общими и сами-собою разумѣющимися. Но въ нихъ сказано вкратцѣ все дальнѣйшее.

7. Итакъ, различеніе есть необходимое и достаточное условіе знанія. Говорю: необходимое. Это значитъ, что безъ различенія нѣтъ и знанія; различеніе необходимо для знанія. Если мы не различаемъ знанія отъ незнанія, то мы не знаемъ знанія.—Говорю еще: достаточное. Это значитъ, что при наличности различенія больше ничего и не требуется для знанія. Разъ есть различеніе, есть eo ipso и знаніе. Различеніе знанія отъ незнанія есть знаніе знанія, ибо если мы различаемъ, то мы, хотя бы смутно, знаемъ и то, чѣмъ мы различаемъ знаніе отъ незнанія,—знаемъ его сущность.

8. Но, б. м., Вы скажете: „Это—такъ только въ отношеніи знанія знанія, но не вообще“.—Да, когда мы различаемъ, то въ данномъ случаѣ мы различаемъ знаніе отъ незнанія, т. е. различаемъ объектъ знанія (знаніе же) отъ того, что не есть объектъ знанія (незнаніе). Слѣдовательно, вся природа знанія, какъ такового, независимо отъ этого или другого объекта знанія, т. е. знанія,—въ отличіе отъ всего, что

¹⁾ Хоть мыслей въ начальныхъ §§ этого разсужденія возникъ подъ скрещивающимся вліяніемъ Шеллинга, кн. С. Н. Трубецкаго и М. А. Остроумова. („Исторія философіи въ отношеніи къ откровенію. Харьковъ 1886).

не есть знаніе,—или еще, все то, что дѣлаетъ знаніе (чего бы-то ни было) именно знаніемъ,—нами познана. Это есть различеніе, при чемъ на вопросъ „что?“ „чего различіе?“ отвѣчаетъ уже отвѣтъ не о природѣ знанія, а о частномъ случаѣ примѣненія акта знанія. И, если бы различіе не было природою знанія вообще, то оно не могло бы быть имъ и въ данномъ случаѣ, когда объектомъ знанія является знаніе же, ибо, выводя это свойство знанія, какъ акта, мы ничего не говорили о специфической природѣ его объекта (въ данномъ случаѣ—знанія же). Хотя мы сказали: „знаніе знанія“, но тѣмъ не менѣе второе слово „знаніе“ оставалось чисто-формальнымъ знакомъ объекта вообще [примѣненіе математическаго „способа неопредѣленныхъ коэффиціентовъ“ или „метода Декарта“, а также „способа неопредѣленной функціи“ Н. В. Бугаева].

9. Что же это значитъ?—А то, что знаніе исчерпывается различеніемъ познаваемаго отъ всего иного. Выдѣлить познаваемое изъ среды непознаннаго и противопоставить его всему прочему—это и значитъ познать. Знать—это значитъ выдѣлять и различать. Сущность знанія—выдѣленіе, различеніе, обособленіе.

10. Это—съ одной стороны,—поскольку мы отвлекались отъ объекта знанія. Но, съ другой стороны, можно принять въ расчетъ и объектъ знанія. Тогда дѣлается понятно, что есть какая-то разница между знаніемъ, различающимъ объектъ, и знаніемъ, различающимъ знаніе объектовъ отъ незнанія. Одно знаніе направлено на различеніе объектовъ, а другое—на различеніе знанія объектовъ отъ незнанія объектовъ. Одно—просто знаніе (A_1); другое—знаніе знанія.—такъ сказать, вторая ступень знанія (A_2). Въ одномъ случаѣ знаніе поглощено всецѣло въ свои объекты, ушло въ нихъ, не помнитъ себя; въ другомъ—оно, познавая объекты, въ то же время слѣдитъ за собою, за тѣмъ, что составляетъ его дѣятельность. Значитъ, во второмъ случаѣ объектомъ знанія (A_2) дѣлается само знаніе (A_1), т. е. то, что ранѣе было [познающимъ] субъектомъ.

11. Но вѣдь и знаніе (A_2) направленное на себя (A_1), имѣющее себя своимъ объектомъ, можетъ быть отличаемо отъ незнанія себя, т. е. отъ знанія, не направленнаго на себя. Слѣдовательно, есть различающая дѣятельность, посред-

ствомъ которой знаніе (A_2) знанія противопологается незна-
нію знанія. Другими словами, ёсть знаніе, объектомъ кото-
раго служитъ знаніе знанія (A_2); или, еще, ёсть знаніе
третьей ступени (A_3).

12. Возможно пойти и далѣе. Можно отличить знаніе
третьей ступени (A_3) отъ соотвѣтствующаго незнанія; этотъ
различающій процессъ будетъ знаніемъ четвертой ступени
(A_4), и т. д. *ad indefinitum*. Говорю: *ad indefinitum*,—въ неопре-
дѣленность, на неопредѣленно-далекое продолженіе. Это зна-
чить, что мы не встрѣчаемъ на пути своемъ, въ этомъ во-
схожденіи по лѣствицѣ знанія

$A_1, A_2, A_3, A_4, A_5, \dots, A_n, A_{n+1}, A_{n+2}, \dots$ (1)

никакого препятствія, которое обрывало бы рядъ (1). Эта
безпрепятственность восхожденія слѣдуетъ изъ итератив-
ности, или повторительности, различающаго акта знанія.
Каждый разъ мѣняется объектъ его, но самъ актъ остается
себѣ тождественнымъ и потому, слѣдовательно, всегда фор-
мально выполнимымъ, разъ только онъ выполнимъ въ началѣ
ряда; а здѣсь онъ, какъ мы знаемъ, выполненъ, и потому,
слѣдовательно, выполнимъ всюду.

13. На каждой новой ступени лѣстницы (1) (которую можно
обозначить сокращенно чрезъ $\{A_i\}$) будетъ повторяться
одинъ и тотъ же актъ. А именно, „различающая дѣя-
тельность предшествовавшей ступени будетъ различаема
на послѣдующей; познавательный процессъ одной—будетъ
становиться познаваемымъ на другой; что на одной было
дѣятельностію субъективною, на другой становится объ-
ектомъ“¹. Каждый такой актъ изъ ряда (1) есть рефлексія
знанія на себя. *Re-flexio* значитъ пере-гибъ, воз-враще-
ніе, о-бращеніе. Предиксъ *re-* указываетъ на двойное дви-
женіе,—отъ чего и обратно, къ тому же „что“. Рефлексія
на себя и значитъ: 1) возвращеніе къ себѣ, 2) оглядѣніе себя,
3) узнаніе или, точнѣе, опознаніе себя.

14. Наши слова: „знаніе“, „познаніе“, „сознаніе“, „самосо-
знаніе“, „самопознаніе“ и суть обозначенія такихъ рефлексивныхъ
актовъ знанія, при чемъ нѣкоторые изъ назван-
ныхъ терминовъ не входятъ въ рядъ $\{A_i\}$ и представляютъ
члены, такъ сказать, промежуточные,—смысль чего будетъ
уясненъ въ дальнѣйшемъ.

¹ М. [А.] Остроумовъ,—*id.*, стр. 18.

15. Подобныя же рефлексіи на себя представляет и всякая критика. Первая критика (K_1) изучает известное произведение (P). Вторая критика (K_2), или антикритика,—критики на произведение, т. е. K_1 . Третья критика или ре-критика (K_3)—критику на критику или антикритику и т. д. Образуется рядъ, надстраиваемой на P :

$$P, K_1, K_2, K_3, K_4, \dots K_n, K_{n+1}, K_{n+2}, \dots \quad (2)$$

Каждая изъ послѣдующихъ критикъ стоитъ ступенью,—или степенью—, выше, нежели предыдущая.—Замѣна критики $n^{\text{го}}$ порядка (K_n) критикою $(n+1)^{\text{го}}$ порядка (K_{n+1}) и составляетъ исторію всякой науки. Всякій процессъ познаванія есть, въ сущности, переходъ отъ K_n къ критикѣ этой критики, т. е. къ K_{n+1} .

17. Итакъ, знаніе состоитъ изъ безконечнаго ряда рефлексивныхъ, обращающихся на себя актовъ, при чемъ акты эти синтезируются, сочетаются въ нѣкое единство. Груша

$$\{A_i\} \quad i=1, 2, 3, \dots n, \dots$$

есть не только множественность отдѣльныхъ актовъ A_1 , но и единство ихъ, мыслимое какъ нѣчто цѣлое, какъ $\{A_i\}$. Эта мысль—не новость. Красною нитью она проходитъ чрезъ всю исторію философіи, начиная съ древнѣйшихъ философовъ и кончая позднѣйшими. О ней говоритъ и Фихте въ своемъ „Наукоученіи“. Но систематически она проведена впервые Шеллингомъ, въ его „Системѣ трансцендентальнаго идеализма“. Здѣсь Шеллингъ задается цѣлью изобразить исторію сознанія какъ рядъ такихъ рефлексивныхъ актовъ

$$A_1, A_2, A_3, A_4, \dots A_n, A_{n+1}, \dots \quad (1'),$$

которые онъ называетъ „потенціями“ или „степенями“ (Potenz) сознанія и, по аналогіи со степенями въ математикѣ, обозначаетъ чрезъ

$$A^1, A^2, A^3, A^4, \dots A^n, A^{n+1}, \dots \quad (2).$$

18. Для удобства дальнѣйшаго изложенія я позволю себѣ нѣсколько разъяснить и усовершенствовать эти обозначенія Шеллинга. У насъ есть нѣкоторый объектъ познанія,—нѣкоторое единство, которое мы хотимъ считать неразличимымъ далѣе, которое мы,—виродолженіе изслѣдованія—, разсматриваемъ какъ неразложимое. Умѣстно обозначить это единство чрезъ единицу: „1“,—символь естественно льнущей къ понятію объекта, ибо апперцепція познаваемого объекта со-

стоитъ въ уединеніи его ото всего прочаго и въ созерцаніи его какъ нѣкоей недѣлимой сущности, какъ единицы. Впрочемъ, болѣе глубокой смыслъ такой символики выясняется въ дальнѣйшемъ. Но мы должны помнить, что для теоріи познанія объектъ „1“ есть не иное что, какъ именно нѣчто, актомъ обособленія опредѣленное.

19. Къ этому объекту, къ „1“, примѣняется актъ различенія. А. Символь А обозначаетъ, слѣдовательно, актъ различенія нѣкотораго содержанія отъ того, что не есть оно само. Итакъ, познаніе первой ступени, A_1 , придется обозначить формулою

$$A_1 = A \quad (1) \quad (3)$$

$$\text{или, упрощенно, } A_1 = A \quad 1 \quad (3')$$

Но какъ познаніе и есть познаніе „чего?“ , то все равно: сказать ли: „объекта“, или не сказать. Въ актѣ познанія уже содержится познаніе объекта, какъ и въ понятіи объекта—понятіе выдѣляющаго его акта познанія. Переводя эту мысль на языкъ символическій, скажемъ: Такъ какъ множеніе на 1 не мѣняетъ величины производителя, то эту единицу („1“) можно не писать. Тогда можно представить нашу операцію познанія такъ:

$$A_1 = A = A^1 \quad (4)$$

Различеніе этого различенія A^1 , т. е. A_2 придется представить такъ:

$$A_2 = A (A_1) = A (A^1) = A (A) \quad (5)$$

А различеніе этого различенія, A_3 , черезъ

$$A_3 = A (A_2) = A [A (A^1)] = A [A (A)] \quad (6)$$

Далѣе, различеніе этого различенія,

$$\begin{aligned} A_4 &= A (A_3) = A [A (A_2)] = A \{A [A (A_1)]\} \\ &= A \{A [A (A^1)]\} = A \{A [A (A)]\} \end{aligned} \quad (7)$$

и т. д. И вообще,

$$\begin{aligned} A_{n+1} &= A (A_n) = A [A (A_{n-1})] = A \{A [A (A_{n-2})]\} \\ &= \dots = A \{A [A \dots]\} \\ &\quad \text{н разъ} \end{aligned} \quad (8)$$

Отсюда естественно обозначить эти выраженія итеративныхъ операцій какъ символическія степени оператора А, замѣчая, что въ каждомъ изъ A_i операторъ А повторяется i разъ, и замѣняя, сообразно тому, указатели всѣхъ A_i соответствующими показателями степеней, такъ, чтобы каждое

$$A_i = A^i \quad (9) \quad (i=1, 2, 3, 4, \dots, n, \dots) \text{ или, въ раскрытомъ видѣ}$$

$$A_1 = A^1, A_2 = A^2, A_3 = A^3, A_4 = A^4, \dots, A_n = A^n, A_{n+1} = A^{n+1} \dots (10)$$

Итакъ, мы получили рядъ „потенцій сознанія“ или, точнѣе потенцій знанія въ новой формѣ, и рядъ (1) замѣняется рядомъ:

$$A^1, A^2, A^3, A^4, A^5, A^6, \dots A^n, A^{n+1}, A^{n+2} \dots A^{n+m}, \dots (11).$$

Но, прежде чѣмъ итти въ разсужденіяхъ далѣе, дадимъ одно небольшое разъясненіе. Повидимому, у Васъ явилось недоумѣніе, на какомъ основаніи мы замѣняемъ неизвѣстное дѣйствіе надъ 1 въ формулѣ (3) символическимъ умноженіемъ формулы (3').—Прежде всего, я отмѣчаю, что всѣ наши формулы—формулы символическія, имѣютъ условное значеніе. Но нужно показать, что, дѣйствительно, наши символы допускаютъ таковое истолкованіе, какъ умноженія. Ну, въ самомъ дѣлѣ: во первыхъ, $A(1)$ должно быть таково, чтобы оно было тождественно съ A , ибо актъ познанія A ipso facto есть актъ познанія объекта „1“ и, стало быть, покажемъ ли мы это послѣднее обстоятельство особымъ символомъ, или нѣтъ,—смыслъ останется одинъ и тотъ же. Слѣдовательно,

$$A \equiv A(1) \quad (12) \text{ (I)},$$

гдѣ знакъ „ \equiv “ есть знакъ тождества.

Во вторыхъ, отношеніе A_1 къ 1 должно быть таково же, какъ отношеніе A_2 къ A_1 , A_3 —къ A_2 и т. д., ибо лишь актомъ познанія разнятся двѣ смежныя потенціи A_n и A_{n-1} . Вы спросите, почему же именно „отношеніе“, а не „разность“?—Потому, что разныя потенціи суть сущности разнородныя и потому не могутъ быть слагаемы и вычитаемы между собою („5 стульевъ—3 чернильницы“; или: „5 душъ безъ 3-хъ скамеекъ“); значитъ, чтобы сравнить ихъ, должно брать отношеніе ихъ. Итакъ:

$$\dots = \frac{A_n}{A_{n-1}} = \frac{A_{n-1}}{A_{n-2}} = \dots = \frac{A_2}{A_1} = \frac{A_1}{1} \quad (13) \text{ (II)}$$

Формула (12) показываетъ, что символическая операція съ A не можетъ быть приравнена смежной [$A = A + 1$]; формула же (13) доказываетъ, что эта операція не можетъ быть потенцированиемъ,—возвышеніемъ въ степень—[ибо $\dots = \frac{A A A}{A A} = \frac{A A}{A} = \frac{A}{1}$].

Остается одно: умноженіе. Конечно, можно было бы дать и строгое, математическое доказательство,—при помощи теоріи конечныхъ разностей—,—рѣшить функціональное уравненіе. Но оставляю это до дальнѣйшаго изслѣдованія, тѣмъ бо-

лѣе, что оно было бы неумѣстно въ настоящемъ популярномъ изложеніи ¹.

20. Такъ или иначе, но мы имѣемъ рядъ (11). Теперь возникаетъ вопросъ: Какъ же обозначить непознанный, неразличенный объектъ познанія, — нашу „1“? Т. е., другими словами, что онъ такое съ точки зрѣнія познающаго субъекта? Вѣдь и о не-познанномъ мы все же говоримъ, т. е., какъ-то, значить, его знаемъ, ибо нельзя же говорить объ абсолютно-непознанномъ. Иначе, слова наши были бы пустыми словами, лишенными всякаго смысла. Итакъ, что такое этотъ объектъ „1“ съ точки зрѣнія итеративнаго оператора A ? Какъ внести симметрію въ наши символическія обозначенія? Какъ установить единообразіе символовъ? — Если разсуждать формально, то можно сказать: Къ нему, къ объекту нашего различенія, къ „1“, не примѣнено ни одного акта различенія, т. е. $i=0$. Въ этомъ смыслѣ, его можно обозначить, съ точки зрѣнія познавательнаго процесса, чрезъ A_0 или, сообразно вновь принятымъ, преобразованнымъ символамъ, — чрезъ A^0 . Въ самомъ дѣлѣ, это обозначеніе весьма умѣстно:

$$1 = A_0 \quad (16),$$

$$\text{но } A_0 = A^0, \quad (17).$$

и

$$A^0 = 1,$$

ибо всякое число въ степени 0 равно 1.

Итакъ, обозначая непознанный объектъ чрезъ A^0 , мы не уходимъ отъ первоначальнаго обозначенія, но лишь углубляемъ его. Раньше мы обозначали объектъ знанія чрезъ „1“, какъ нѣчто разнородное съ A . Теперь же, въ видѣ A^0 , эта „1“ приведена къ формальной однородности со всѣмъ рядомъ (1) или (11) и, слѣдовательно, введена въ итератив-

ожно, болѣе формально, разсуждать и такъ:

$$A = A(1) \quad (I),$$

т. е.:

$$\left. \begin{array}{l} \text{либо умноженіе, ибо } A = A \cdot 1 \\ \text{либо потенцированіе, ибо } A = A^1 \\ \text{но не сложеніе ибо, } A = A + 1 \end{array} \right\} (14).$$

Итакъ, первая формула показываетъ, что операція A есть или умноженіе, или потенцированіе. Затѣмъ, обозначая наудачу взятымъ знакомъ „*“ дѣйствіе какого-то сравниванія двухъ потенцій, пишемъ:

$$A_n * A_{n-1} = A_{n-1} * A_{n-2} = \dots = A_2 * A_1 = A_1 * A_0 \quad (15)$$

Дѣйствіе * можетъ быть либо разностью, либо дѣленіемъ.

ный рядъ. Другими словами, объектъ познанія поставленъ въ рядъ потенцій сознанія

Можетъ быть, не бесполезно сказать еще нѣсколько словъ о нулевой потенціи знанія, т. е. о вещи. Тотъ выводъ, что A_0 , знаніе нулевой потенціи, есть объектъ или вещь, „1“,—единица познавательной дѣятельности—не, долженъ удивлять насъ или казаться неожиданнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ гносеологической точки зрѣнія ужь одинъ тотъ фактъ, что мы говоримъ о вещи, доказываетъ, что вещь есть нѣкоторое знаніе (—иначе мы говорили бы, сами не зная, что мы говоримъ—). Вещь есть своего рода знаніе.—Да, но какого?—Какъ знаніе, оно должно полагаться духомъ же, но такъ, чтобы духъ не зналъ объ этомъ своемъ положеніи вещи и, слѣдовательно, она, хотя и актъ духа, однако являлась бы ему какъ готовый результатъ.

21. Теперь является вопросъ: Какъ же разумѣть этотъ непознанный, но имѣющій быть познаваемымъ, объектъ A^0 ? Или, еще: Въ какомъ отношеніи находится онъ къ процессу знанія?—Вспомнимъ прежде всего, что такое есть каждое A^n . Это—знаніе предыдущаго знанія, A^{n-1} :

$$A^n = A (A^{n-1}) \quad (18),$$

т. е. A^n есть актъ различенія A примѣненный къ A^{n-1} .

Значитъ, въ частности, A^1 есть знаніе A^0 ; а A^0 есть объектъ, „вещь“. Но вѣдь объектомъ бываетъ всякое знаніе для послѣдующей ступени знанія; всякое A есть объектъ для A^{n+1} . Но что оно само по себѣ?—Если воспользоваться выработанной нами терминологіей, то должно сказать: и A^0 (т. е. 1) есть тоже знаніе. Но—какого же знанія является знаніемъ A^1 ?—Есть знаніе знающее, есть знаніе сознающее, есть знаніе самосознающее и т. д. Но A^0 сюда не относится. Оно, хотя и знаніе, однако еще не знаетъ, какъ таковое, какъ знаніе. A^0 —знаніе безсознательное или без-знательное. Это—знаніе не дошедшее до ступени знанія, не пришедшее къ сознанію, не осознанное. Итакъ, объектъ знанія самъ есть особое знаніе,—безсознательное. Еще разъ повторяя сказанное; мы говоримъ: Объектъ знанія есть тоже знаніе, но безсознательное. Съ точки зрѣнія познанія, познаваемое есть безсознательное знаніе, и, слѣдовательно, процессъ познаванія есть ничто иное, какъ осознаніе того, что уже заложено въ духѣ, но—въ безсознательной формѣ.

22. Но пойдемъ далѣе. Вы знаете, конечно, что существуютъ въ алгебрѣ отрицательныя степени съ отрицательными показателями. Развивая нашу символику далѣе, можно задаться вопросомъ: Чѣмъ означаютъ символы:

$$A^{-1}, A^{-2}, A^{-3}, A^{-4}, \dots, A^{-n}, A^{-n-1}, \dots \quad (19)$$

или, что то же, символы

$$\frac{1}{A}, \frac{1}{A^2}, \frac{1}{A^3}, \frac{1}{A^4}, \dots, \frac{1}{A^n}, \frac{1}{A^{n+1}}, \dots \quad (20)?$$

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, постараемся познать одну изъ такихъ постулируемыхъ, но пока намъ еще неизвѣстныхъ потенцій. Возьмемъ хотя бы A^{-3} . Познать ее—это значитъ примѣнить къ ней актъ различенія A . Получаемъ:

$$A (A^{-3}) = A^{-2} \quad (21),$$

т. е. опять таки что-то непонятное. Снова познаемъ A^{-2} . Получаемъ

$$A (A^{-2}) = A^{-1} \quad (22).$$

Познавая A^{-1} , находимъ

$$A (A^{-1}) = A^0 = 1 \quad (23)$$

Итакъ, примѣняя къ A^{-3} процессъ различенія трижды, мы приходимъ къ бессознательному знанію, или объекту „1“. Ясное дѣло, что, познавая A^{-3} еще большее число разъ, мы получимъ A^1, A^2 ... и т. д. Это можно было получить и непосредственно, сразу примѣняя многократный актъ различенія:

$$A^3 (A^{-3}) = A^0 = 1 \quad (24)$$

$$A^4 (A^{-3}) = A^1 \quad (25),$$

или, если разсматривать символъ отрицательной потенціи, какъ единицу, дѣленную на ту же потенцію, но съ положительнымъ показателемъ, то получаемъ:

$$A^3 \left(\frac{1}{A^3} \right) = 1 \quad (26)$$

$$A^4 \left(\frac{1}{A^3} \right) = A^1 \quad (27).$$

23. Иными словами, отрицательныя потенціи сознанія суть, такія потенціи, къ которымъ различающій процессъ A должно повторно примѣнить нѣкоторое число разъ, чтобы получить ту или иную степень сознательности. Или еще: отрицательныя потенціи суть такія бессознательныя или, лучше сказать, подсознательныя слои духа, которые погружаются все глубже и глубже въ нѣдра объективности. Это—вещи

болѣе вещныя, нежели вещи,—*res realiores, quam res reales*. Отсюда понятно, что чѣмъ глубже лежитъ такая *res realior* въ духѣ, тѣмъ интенсивнѣе должна быть различающая дѣятельность знанія, чтобы *res realior* была опознана.

Вѣроятно, у Васъ является вопросъ: Чтѣ же такое,—конкретно—, эти отрицательныя потенціи знанія? Но, вслѣдъ за этимъ, встаетъ другой вопросъ, а именно: Можно ли конкретно познавать эти болѣе глубокие, чѣмъ вещь, слои вещности? Не осуждены ли мы всегда оставаться при отвлеченномъ, гносеологическомъ знаніи ихъ, ибо конкретное знаніе ихъ подымало бы ихъ на ступени сознательности и, слѣдовательно, лишало бы ихъ именно того свойства, ради котораго намъ хочется познать ихъ конкретно? Не должны ли мы думать, что именно это свойство (—т. е. подсознательность большая, чѣмъ сознательность вещи, вещность вещиѣ вещи—) отъ такого процесса познанія исчезнетъ?—Отвѣтъ на послѣдніе вопросы долженъ предварить отвѣтъ на первый.

Дѣйствительно, процессомъ постепеннаго дифференцированія мы лишили бы эти нисшія потенціи присущей имъ вещности. И таково, по необходимости, знаніе научное, методически проходящее всѣ ступени и тѣмъ пріобрѣтающее силу ставить объекты познанія въ связь другъ съ другомъ, но при этомъ обращающее дѣйствительность въ призрачную ткань понятій. Но можетъ быть и не-методическое познаніе,—познаніе, сразу переводящее объектъ чрезъ нѣсколько потенцій и непосредственно вводящее подсознательное въ сферу знанія (—таково опредѣленіе мистики, по Гартману—). Тогда есть познаніе этой подсознательной дѣятельности, какъ таковой.

24. Но можно подойти къ отрицательнымъ потенціямъ еще и съ иной стороны. Вѣдь символъ А мы разсматривали ранѣе не только какъ операторъ (*operator*), но и какъ операндъ (*operandum*),—не только какъ символъ, которымъ дѣйствуютъ, но и какъ символъ, надъ которымъ дѣйствуютъ. Отсюда, по аналогіи, разсмотрѣвши символы отрицательныхъ потенцій какъ познаваемые сущности, какъ операнды, мы можемъ теперь взглянуть на нихъ какъ на операторы, какъ на сущности „познавательныя“, „познающія“, но какой-то особой природы. Какой же?—Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ примѣнимъ нацѣ операторъ къ одной изъ положительныхъ, намъ уже извѣстныхъ, потенцій

и посмотримъ, что отъ этого произойдетъ съ нашей потенціей. Возьмемъ хотя бы A^2 , а какъ операторъ A^{-1}

$$A^{-1}(A^2) = A^1 \quad (28)$$

$$\text{или } A^{-1}(A^2) = \frac{1}{A}(A^2) = A^1 \quad (29).$$

25. Итакъ, отъ примѣненія оператора A^{-1} къ положительной потенціи, она понижаетъ свою степень, свой рангъ, т. е., другими словами, операція A^{-1} прямо-антагонистична операція A . A —актъ дифференціаціи; A^{-1} —актъ интеграціи. A —актъ различенія; A^{-1} —актъ смѣшенія, актъ конфузіи. A —актъ познанія; A^{-1} —актъ незнанія или, точнѣе—раз-знанія. A —актъ образованія сужденія; A^{-1} —актъ уничтоженія сужденія. A —гносеологическое умноженіе; $A^{-1} \left[\frac{1}{A} \right]$ —гносеологическое дѣленіе. A —актъ повышающій рангъ потенціи сознанія; A^{-1} —актъ понижающій этотъ рангъ. A —актъ рефлексіи; A^{-1} —актъ инфлексіи, возвращенія сознанія въ себя, но не па себя,—не in, но an sich. Однимъ словомъ, операторы A и A^{-1} —антагонистичны, противоборственны, полярно-противоположны.

26. Такимъ образомъ, мы подходимъ къ новому пониманію знанія,—разумѣя это послѣднее слово не въ смыслѣ A но въ смыслѣ всей познавательной дѣятельности духа.

Знаніе, въ цѣлостномъ своемъ составѣ, слагается изъ безконечнаго въ обонхъ направленіяхъ ряда актовъ рефлексіи,—если расширить смыслъ слова рефлексія и включить сюда понятіе инфлексіи, а именно изъ ряда:

$$\dots A^{n-1}, A^n, \dots A^{-3}, A^{-2}, A^{-1}, A^0, A^1, A^2, A^3, A^n, A^{n+1}, \dots \quad (30).$$

Этотъ рядъ, взятый какъ трансфинитная устроенная группа, опредѣляетъ два элемента,— A^ω справа и $A^{-\omega}$ слѣва—, служащіе предѣлами ряда и сами, потому, къ ряду не принадлежащіе.—Примѣненіе къ любому члену ряда операціи A передвигаетъ сознаніе въ сторону A^ω , а примѣненіе операціи A^{-1} —въ сторону $A^{-\omega}$. Рядъ (30), поскольку онъ опредѣляетъ запредѣльный элементъ A т. е. поскольку мы разсматриваемъ его какъ восходящій—называется философіей, *φιλοσοφία*, любо-мудріемъ. Но можно разсматривать тотъ же рядъ (26) и какъ опредѣляющій элементъ запредѣльный $A^{-\omega}$ т. е. видѣть въ немъ рядъ нисходящій; въ этомъ послѣд-

нѣтъ случаѣ было бы умѣстно окрестить нашъ рядъ (30) неологизмомъ никософія, *νηκοσοφία*, враждо-мудріе,—впрочемъ, конечно, не въ порицательномъ смыслѣ, не въ смыслѣ осужденія, а чтобы указать отталкиваніе отъ рефлексіи, тяготѣніе къ корнямъ бытія и ко мраку первобытной ночи. А—актъ философствованія, A^{-1} —никософствованія.

27. Каждый членъ ряда есть познаваемое, въ отношеніи къ послѣдующему, и познающее, въ отношеніи къ предыдущему. Операторъ А дѣлаетъ познаваемое познающимъ, а операторъ A^{-1} , наоборотъ, познающее—познаваемымъ. Такимъ образомъ, А есть актъ перехода отъ объективности къ субъективности, отъ объекта къ субъекту, отъ знанія къ большому знанію. А есть операторъ субъективизаціи. Наоборотъ, A^{-1} есть актъ перехода отъ субъективности къ объективности, отъ субъекта къ объекту, отъ большаго знанія къ меньшему знанію. A^{-1} есть операторъ объективизаціи.

28. Итакъ, каждый актъ рефлексіи есть субъектъ и объектъ вмѣстѣ,—субъектъ своею „лѣвою стороною“ и объектъ—своею „правою стороною“. Каждый членъ ряда—потенція—есть субъектъ и объектъ. Но объектъ есть то, что мы называемъ реальнымъ началомъ, а субъектъ—то, что мы называемъ началомъ идеальнымъ. Слѣдовательно, каждый актъ сознанія реаленъ, въ отношеніи къ послѣдующему, и, идеаленъ, въ отношеніи къ предыдущему. Каждый актъ знанія идеаленъ и реаленъ, т. е. идеал-реаленъ или реал-идеаленъ.

29. Слѣдовательно, въ каждой потенціи знанія идеальное и реальное, субъектъ и объектъ не разобщены между собою, хотя и не сливаются до неразличимости. Они образуютъ дву-единство, при чемъ объекты знанія даются имманентно самому процессу знанія, познающему субъекту.

30. Это можно пояснить еще и такъ:

Всякій актъ знанія идеаленъ. И, съ этой точки зрѣнія, идеаленъ и всякій познаваемый объектъ. Иначе и быть не можетъ: вѣдь, если бы онъ не былъ идеаленъ, то и не познавался бы, ибо абсолютно непонятно, какъ познается то, что рѣшительно не сродно познающему,—какъ усваивается познаніемъ то, что всячески разнствуетъ съ познаніемъ. Познаніе того, что само никакъ не есть знаніе, т. е. начало идеальное, было бы превращеніемъ нѣкотораго „а“ въ актъ

сужденія въ „не-а“. Значить, въ актѣ познанія идеальная природа познаваемаго не создается, а только раскрывается, обнаруживается, опознается.

31. Но, съ другой стороны, всякій процессъ знанія реаленъ. Вѣдь онъ есть объективный, констатируемый процессъ, происходящій въ дѣйствительности. Скажу, хотя и не совѣмъ точно, зато наглядно: Процессъ знанія объективно учитывается какъ нервный процессъ, какъ иннервація связокъ голосового органа, какъ звуки, какъ мускульныя сокращенія и т. д. Вѣдь это—реальность. Но то, что я говорилъ, есть первый, самый грубый случай процесса мысли. Онъ—„вещный“ процессъ и въ болѣе тонкомъ смыслѣ (флюидныя истеченія, излученія и вообще вся совокупность „окультурныхъ“ явленій организма, сопровождающихъ акты познанія) Если ранѣе мы сказали, что всякая мысль, да и самая вещь,—идеальность, то теперь скажемъ, что всякая мысль, какъ и сама вещь, есть реальность. Не только вещь мысле-образна, но и мысль вещь-образна. Мысль имѣетъ въ себѣ вещи въ видѣ своего содержанія. И потому мысль—творческая сила въ сферѣ „вещей“. Вспомните гипнозъ, заговоры, художественное творчество, преобразующее дѣйствительность, научное творчество, вторгающееся въ жизнь объективности: вѣдь мысль же, если не прямо(—хотя и прямо!—), то косвенно, при помощи динамита, ввергаетъ гору въ море! Вѣдь точка приложенія силы мысли есть, въ концѣ концовъ, гора, самая гора, а никакъ не призракъ, не „представленіе“ горы, въ смыслѣ чистой иллюзорности: въ противномъ случаѣ, пришлось бы человѣку быть лишь созерцателемъ калейдоскопа своей психики, а не дѣлательемъ жизни и строителемъ культуры.

32. Мысль есть мысль о вещахъ, и слѣдовательно, она—не вещь, она отлична отъ своего содержанія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мысль есть мысль о *вещахъ*,—вещи суть содержаніе мысли и, значить, онѣ даны вмѣстѣ съ мыслию. Повторяю еще разъ, мысль и вещь образуютъ несліянное и нераздѣльное дву-единство.

33. Но возникаетъ вопросъ: Чѣмъ же тогда потенціи разнятся одна отъ другой, если каждая изъ нихъ есть дву-единство? И что такое „вещь“ въ собственномъ, общепотребительномъ смыслѣ слова?

Двигаясь къ $A^{-\infty}$, мы увеличиваемъ идеальный моментъ потенціи и соотвѣтственно уменьшаемъ моментъ реальный. Потенціи дѣлаются все менѣе и менѣе вещными. Мы восходимъ ab *idealìa ad idealiora*. Напротивъ, двигаясь по направлению и $A^{-\infty}$, мы увеличиваемъ реальный моментъ потенцій и соотвѣтственно уменьшаемъ моментъ идеальный. Потенціи дѣлаются все болѣе и болѣе вещными. Мы нисходимъ a *realìa ad realiora*.

A^0 , т. е. „вещь“ въ ходячемъ смыслѣ слова, есть равновѣсіе обѣихъ моментовъ,—идеального и реального. A^0 есть безразличіе субъекта и объекта, тождество Я и не-Я, индифференція, или индифферентность, познающаго и познаваемаго. A^0 есть, въ то же время, въ отношеніи къ ряду (30), верхняя граница отрицательныхъ потенцій и нижняя—положительныхъ. A^0 —maximum идеальности, или сознательности, въ сферѣ безсознательнаго, и—maximum реальности, или безсознательности, въ сферѣ сознательнаго. И наоборотъ, A^0 есть minimum реальности въ сферѣ безсознательнаго и minimum идеальности въ сферѣ сознательнаго.

Такимъ образомъ, A^0 есть граница двухъ міровъ, изъ которыхъ одинъ,—міръ положительныхъ потенцій—, мы можемъ назвать міромъ „Я“ въ широкомъ смыслѣ, а другой,—міръ отрицательныхъ потенцій,—міромъ „не-Я“, тоже разумѣя этотъ терминъ въ смыслѣ шире обычнаго. Но мы должны при этомъ не забывать, что каждая потенція въ отношеніи къ однимъ является объективною, а въ отношеніи къ другимъ—субъективною.

35. Что же въ такомъ случаѣ есть „чистый субъектъ“, т. е. такая потенція, которая является субъектомъ въ отношеніи всѣхъ остальныхъ, но сама никогда не бываетъ объектомъ ни для которой? Что такое чистая форма или схема субъективности? Что такое предѣлъ субъективности? Иными словами, что же такое—„трансцендентальный субъектъ“, „субъектъ въ себѣ?—Ясное дѣло, что онъ долженъ быть вѣтъ ряда потенцій (30), т. е.,—онъ трансцендентенъ знанію, хотя знаніемъ, т. е. рядомъ (30), постулируется. Это—идеальная граница справа для ряда (30), верхній предѣлъ ряда (30) и, въ отношеніи къ самому знанію, въ составѣ самого знанія,—гносеологически—, не можетъ означать ничего иного, какъ только указанія на возможность сколь угодно далекаго восхожденія со-

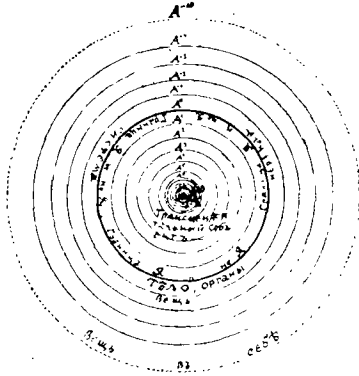
знанія ab idealia ad idealiora. Гносеологически, трансцендентальный субъектъ, чистое „Я“, есть ничто иное, какъ весь рядъ (30), въ его идеальномъ аспектъ. Что есть чистое „Я“?— Это—все, но взятое въ ранговомъ отношеніи идеальности,—упорядоченное все, поскольку оно идеально. Гносеологически, трансцендентальный субъектъ никогда не данъ въ качествѣ познаваемаго (—иначе онъ былъ бы объектомъ!), а всегда только заданъ. Однимъ словомъ, это есть то, что мы обозначили символомъ A^ω .

36. Съ другой стороны, возникаетъ вопросъ, что такое „чистый объектъ“, т. е. такая потенція, которая является объектомъ въ отношеніи всѣхъ остальныхъ, но сама никогда не бываетъ субъектомъ ни которой. Или еще: Что такое чистая форма или схема объективности, предѣльная вещьности или предѣль объективности, вещьности? Иными словами, что же такое „трансцендентный объектъ“, „объектъ въ себѣ“, или „вещь въ себѣ“, точнѣе—„о себѣ“? Ясное дѣло, что и онъ, этотъ объектъ, долженъ быть въ рядѣ потенцій (30), т. е. онъ—трансцендентенъ знанію, хотя знаніемъ, т. е. рядомъ (30), постулируется. Это—идеальная граница слѣва для ряда (30), нижній предѣль ряда (30) и, въ отношеніи къ самому знанію, въ составѣ самого знанія,—гносеологически—не можетъ означать ничего иного, какъ только указанія на возможность сколь угодно далекаго нисхожденія сознанія a realia ad realiora. Гносеологически, трансцендентный объектъ, „вещь въ себѣ“, чистое „не-Я“, есть ничто иное, какъ весь рядъ (30), въ его реальномъ аспектъ. Что есть чистое „не-Я“?—Это—все, взятое, въ ранговомъ отношеніи реальности,—упорядоченное все, поскольку оно реально. Гносеологически, трансцендентный объектъ никогда не данъ (—иначе онъ былъ бы субъектомъ!), а всегда только заданъ. Однимъ словомъ, это есть то, что мы обозначили символомъ $A^{-\omega}$, ибо, если было бы дано $A^{-\omega}$, то можно было бы образовать $A^{-\omega-1}$, и $A^{-\omega}$ стало бы субъектомъ.

37. И еще. Трансцендентальный субъектъ есть все знаніе (познающее) въ его цѣлокупности. Трансцендентный объектъ есть все знаніе (познаваемое) въ его цѣлокупности.—По реальности, это—одно и то же; но они различны по типу, если воспользоваться Канторовскимъ терминомъ. По реальности, абсолютное Я есть то же, что и абсолютное не-Я, и оба они

равны любой конечной потенціи. Все—во всеѣ, и потому все равно всему.

38. Все сказанное удачно иллюстрируется такою схемою:

Начертимъ систему, т. е. безконечное множество, концентрическихъ круговъ, съ одной стороны „накопляющихся“, около центра т. е. безпредѣльно подходящихъ къ центру,—обозначающему „трансцендентальнаго субъекта“, A^ω , а съ другой—безпредѣльно увеличивающихъ свой радиусъ и устремляющихся къ безконечно-великому кругу, обозначающему „вещь въ себя“, $A^{-\omega}$. Границею Я и не-Я, или вещи, служить одинъ изъ круговъ, A^0 , тогда какъ прочіе круги получаютъ обозначенія A^i ($i = \pm 1, 2, 3, \dots, n, \dots$) въ порядкѣ ряда (30). Окрасимъ, далѣе, всѣ кольца какой-нибудь краскою, на примѣръ внѣшнія—голубою, а внутреннія—розовою. Пусть, при этомъ, густота окраски кольцевого пространства между парами концентрическихъ круговъ соответствуетъ степени углубленія въ субъективную или объективную сторону ряда (30), а цвѣтъ окраски.—красный или синий—преобладанію субъективности или объективности. Круги внутри круга A^0 обозначаютъ область „Я“, а круги внѣ A^0 —область „не-Я“.

39. Быть можетъ, впрочемъ, болѣе умѣстно было бы и круги обозначающія отрицательныя потенціи чертить приближающимся къ предѣльному кругу конечнаго радиуса, опять таки обозначающему $A^{-\omega}$.

40. Пойдемъ далѣе въ изученіи системъ потенцій знанія (30). n -ый актъ знанія, A^n , есть знаніе объекта A^{n-1} , но A^{n-1} есть знаніе знанія, A^{n-2} ; A^{n-2} есть знаніе знанія A^{n-3} и т. д., до A^0 включительно, а затѣмъ—и далѣе: A^0 есть знаніе A^{-1} , A^{-1} знаніе A^{-2} и т. д. Слѣдовательно, содержаніемъ A^n слу-

жить не только A^{n-1} , но и A^{n-2} и A^{n-3} и A^{n-4} и т. д. и A^0 и A^{-1} , и A^{-2} и т. д. Слѣдовательно, каждый актъ знанія A^n включаетъ въ себя безконечность содержанія,—весь рядъ (30) до A^{n-1} включительно, т. е. всю область подсознательнаго, вещь и всѣ предыдущія A^n ступени знанія. Содержаніемъ A^n служитъ любое A^i , гдѣ $i < n$.

41. Но мало и того. Если имѣется актъ A^{-1} ,—какъ мы уже видѣли, актъ уничтоженія сужденія, смѣшенія, сліянія, забвенія и т. д., т. е. обратный акту A —, то мы можемъ рассмотреть отношеніе A^n ко всѣмъ послѣ него идущимъ потенціямъ. Примѣняя операцію A^{-1} къ A^{n+1} , A^{n+2} , A^{n+3} ... ∞ , то или другое число разъ, мы будемъ получать все то же A^n .

$$A^n = A^{-1} (A^{n+1}) = A^{-2} (A^{n+2}) = A^{-3} (A^{n+3}) \dots (31)$$

$$\text{и вообще } A^n = A^{-m} (A^{n+m}). \quad (32).$$

Значить, A^n включаетъ въ свое содержаніе не только весь рядъ меньшихъ потенцій знанія, но и весь рядъ бѣльшихъ потенцій.

42. Но знаемымъ, познаваемымъ является для A^n непосредственно лишь A^{n-1} . Всѣ же потенціи, предшествующія A^{n-1} (т. е. всѣ A^i , для которыхъ $i < n-1$) въ отношеніи къ A^n („усиленному знацію“) являются „под-знаемыми“, лежащими ниже знанія.

Наоборотъ, всѣ потенціи послѣдующія A^{n-1} (т. е. всѣ A^i , для которыхъ $i > n$) являются „сверх-знаемыми“, лежащими выше знанія. Однѣ—уже не сознаются, другія еще не сознаются. Одно—безконечность *до*, другое—безконечность *послѣ*. Одно—забвеніе прошлаго; другое—запамятованіе будущаго.

43. Въ самомъ дѣлѣ, законность этого новаго освѣщенія знанія,—свѣтомъ идеи времени,—явствуетъ изъ слѣдующаго:

Послѣдовательная смѣна потенцій сознанія создаетъ идею времени. Движеніе въ положительную сторону ряда—переходъ отъ прошедшаго къ будущему; движеніе въ сторону противоположную—переходъ отъ будущаго къ прошедшему. Такъ, сознаніе умирающихъ, утоающихъ, падающихъ съ горъ и т. д., когда организмъ лишается знанія (забвеніе, слабость и т. д.) создаетъ обращенный временный рядъ,—отъ настоящаго къ прошедшему. И наоборотъ, творческій актъ познанія влечетъ въ будущее, даетъ предвосхищеніе буду-

таго, пророчество. Конфузь—потеря себя въ настоящемъ, актъ движенія въ прошедшее, и, слѣдовательно, творчество—актъ движенія въ будущее. И потеря себя въ настоящемъ, т. е. конфузь, и творчество выводятъ изъ настоящаго, но—въ противоположныя стороны.

Итакъ, если А есть настоящее (въ настоящемъ), то что есть прошедшее?—Система потенцій $\{A^i\}$, для которыхъ $i < n$. Что есть будущее?—Система потенцій $\{A^i\}$, для которыхъ $i > n$. Субъектъ знанія — будущее; объектъ—прошедшее; самый актъ знанія—настоящее. Вещь въ себѣ—абсолютное прошедшее; трансцендентальный субъектъ—абсолютное будущее.

[44. Сейчасъ идетъ рѣчь о томъ, какъ рядъ потенцій порождаетъ собою рядъ временный.—Въ самомъ дѣлѣ, если напѣ рядъ потенцій (—законъ раскрытія сознанія—) долженъ быть источникомъ историческаго процесса философіи, то онъ, этотъ рядъ, долженъ, какъ сказано, быть исторіогеннымъ по своей природѣ. Но, порождая исторію, онъ самъ не можетъ уже быть историченъ, самъ онъ не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ исторіей. Онъ исторіогененъ и, слѣдовательно, самъ не историченъ. Онъ—внѣ исторіи и, слѣдовательно, внѣ времени. Слѣдовательно, въ немъ должны быть силы, раскрывающія его содержаніе—какъ процессъ во времени, или, еще, являющія время, наполненное историческими событиями.—силы хроногенныя, време-рождающія. Тутъ-то, повидимому, и есть камень преткновенія. Вы, навѣрно, подумали уже: но, вѣдь, чтобы перейти отъ потенціи къ потенціи, уже нужно время. Какъ же рядъ потенцій производить время, когда самъ онъ нуждается для своего построенія во времени? Получается въ разсужденіяхъ *idem per idem*. Время—условіе ряда, рядъ—условіе времени. Мы нумеровали члены ряда. Но развѣ самая нумерація не достаточно доказываетъ, что рядъ не можетъ быть безъ времени,—ибо нумерація, порядокъ послѣдованія, уже предполагаетъ время и безъ времени существовать не можетъ?—Слѣзцу отвѣтить на Ваши вопросы вопросомъ же.

Дѣйствительно ли, всякій порядокъ послѣдованія, всякая послѣдовательность предполагаетъ время? Или, быть можетъ, возможна „логическая послѣдовательность“—безвременная и даже внѣ-временная и сверхвременная?—Теперь вкратцѣ отвѣчу на поставленный вопросъ лишь слѣдующее:

Возьмите какую-нибудь сложную систему умозаключений— философскихъ ли, или какихъ иныхъ, по возможности строго-логическую,—ну, хоть систему Спинозы, какъ она изложена въ „Этикѣ“, или какую-нибудь геометрическую теорему. Если Вы читаете или продумываете ее впервые, то отдѣльныя положенія формально и внѣшне приклеиваются другъ къ другу; неуклюже двигается механизмъ разсуждений. Во второй разъ это движеніе совершается легче; отдѣльныя положенія крѣпче примыкають другъ къ другу, начинаютъ вросать другъ въ друга. Въ третій разъ—опять ускореніе движенія и болѣе органическое срастаніе. Въ концѣ концовъ, вся вереница разсуждений проходитъ почти какъ единое цѣлое,—какъ органическое тѣло съ его органами. Мы различаемъ моменты первый, второй и т. д., но про эти моменты нельзя сказать, что они—моменты времени. Нѣтъ, это—моменты логическіе, діалектическіе, эстетическіе, нравственные и т. п. Вся группа положеній стремится къ предѣлу,—къ нулю времени,—стремится стать мгновенной. Отсюда мы постулируемъ мгновенную послѣдовательность, этотъ предѣлъ, какъ реальность. Въ дальнѣйшемъ я постараюсь показать, что такая реальность дѣйствительно есть; а сейчасъ скажу то лишь, что намъ важна не она, а самое понятіе ея,—понятіе внѣ-временнаго послѣдованія моментовъ. Вотъ, этимъ-то понятіемъ внѣ-временной послѣдовательности мы нынѣ и воспользуемся для обоснованія происхожденія идеи времени изъ внѣ-временнаго ряда потенцій].

45. Могло бы показаться неяснымъ, какъ это система потенцій есть будущее или прошедшее. Но, конечно, это—такъ. Вѣдь, что есть будущее или прошедшее, какъ ни извѣстнымъ образомъ полагаемая въ настоящемъ часть содержанія этого настоящаго, Аⁿ ? Координація полагаемыхъ, соотносимыхъ, частей настоящаго и есть та характеристика, въ силу которой мы называемъ одну часть „будущимъ“, другую „настоящимъ“ въ узкомъ смыслѣ, и третью—„прошедшимъ“. Но что такое координація, какъ ни ранговое отношеніе частей (т. е. положеніе одной части *первою*, другой—*второю*, третьей—*третьею*)? Нумерація—вотъ что создаетъ идею времени. Разнородная качественность потенцій—вотъ что даетъ мѣсто нумераціи: количественныя различія потенцій—на дѣлѣ лишь проэкція качественныхъ на порождаемый этими послѣд-

ними временный рядъ. Количественныя разницы суть надстройкі надъ качественными. Итакъ, соотношенія ряда потенцій съ идеей времени теперь ясно:

$A^{-\infty} \dots A^{-2} A^{-1} A^0 A^1 A^2 A^3 \dots A^{n-1} A^n A^{n+1} A^{n+2} A^{n+3} \dots A_n \dots A_{\infty}$

прошедшее

настоящее

будущее

46. Но почему же настоящее—лишь точка? Почему, когда мы говоримъ о немъ—его уже нѣтъ? Почему всё наши рѣчи могутъ быть только о прошедшемъ? Почему *tempus fugit*? Почему оно *irreparabile*?—

Настоящее—точка, ибо оно — единая потенція, т. е. актъ единый, не имѣющій въ себѣ частей. Ибо мы хотимъ считать объектъ единицею,—не имѣющею частей, и, слѣдовательно, актъ, его различающій, не имѣетъ множества,—абсолютно-простъ. Настоящаго нѣтъ, когда мы заговорили о немъ, потому, что для того, чтобы заговорить о настоящемъ, объ A_n , надо сдѣлать его объектомъ (изъ субъекта). А сдѣлавшись объектомъ, онъ дѣлается уже меньшимъ по ранговому положенію, нежели субъектъ рѣчи, A^{n+1} . Поэтому-то, всё наши рѣчи и могутъ быть только о прошедшемъ, т. е. объ одной изъ предыдущихъ потенцій знанія.—*Fugit* ли *tempus*?—Нѣтъ, поскольку мы не думаемъ, не живемъ. Бѣгъ времени есть такая же иллюзія, какъ и хороводъ, который водятъ дерева, когда ѣдешь по желѣзной дорогѣ. Не время уходитъ отъ насъ, а мы уходимъ отъ настоящаго, отъ A^n , къ A^{n+1} , A^{n+2} и т. д., уходимъ чрезъ познанія этого A . Если бы мы его не познавали, если бы не было рефлексій (застывшее сознаніе; обморокъ; наркозъ; мечты, и т. п.), то и время не убѣгало бы, а мы пребывали бы въ вѣчномъ „теперь“. Скажете: Но для другихъ, „объективно“, человекъ все таки жилъ бы во времени?—

Да, для другихъ, т. е. они мѣняли бы свое настоящее относительно этого человека. Не мѣняй они своего настоящаго относительно него, не жилъ бы для нихъ и онъ во времени: „какъ аукнется, такъ и откликнется“.—Когда человекъ пробуждается послѣ глубокаго сна, или приходитъ въ себя послѣ наркоза или обморока, онъ, какъ сказочная спавшая и пробудившаяся царевна, не знаетъ, прошло ли время, или нѣтъ: онъ не жилъ во времени.

47. Итакъ, мы повторяемъ Коперниковскій переворотъ, по

только въ расширенномъ видѣ. То, что сказалъ Коперникъ, о движеніи свѣтилъ небесныхъ, мы теперь распространяемъ на всякое движеніе, на всякое измѣненіе, на самое время, какъ на „движеніе вообще“, „чистое движеніе“, „форму“ или „схему движенія“. Коперникъ объявилъ, что движеніе солнца—кажущееся и обусловлено тѣмъ, что мы движемся. А мы теперь заявляемъ, что время не бѣжитъ, а лишь кажется бѣгущимъ,—отъ того, что мы мѣняемъ свою точку зрѣнія на собственные акты познанія. Мы бѣжимъ вдоль ряда потенцій, и намъ представляется, что рядъ потенцій движется мимо насъ. Это-то прохожденіе въ сознаніи потенцій мы и называемъ временемъ.

48. Но вернемся къ нашимъ потенціямъ. Каждый актъ знанія *А* включаетъ въ себя все обоюдо-безконечное множество актовъ знанія, въ его прошедшемъ и въ его будущемъ,—разумѣя эти термины „въ прошедшемъ“, и „въ будущемъ“ въ смыслѣ временной квалифікаціи. Другими словами, каждый актъ знанія включаетъ въ себя забытую вещь въ себѣ и запаматованнаго трансцендентальнаго субъекта. Хотя и трансцендентна сознанію вещь въ себѣ и трансценденталенъ чистый субъектъ, но все же они всегда содержатся въ каждомъ актѣ знанія.

49. Мы думаемъ то, чего уже не думаемъ и то, чего еще не думали. Мы знаемъ то, чего уже не знаемъ и чего еще не знаемъ. Но все, какъ прошедшее, такъ и будущее, въ какомъ-то смыслѣ есть въ насъ, ибо потенціальное знаніе есть не просто отвлеченная возможность познавать, не отсутствіе знанія, не *оѵ* *ѵ*, а подлинная мощь знанія, особое состояніе знанія, *μ* *ѵ*,—не отсутствующее знаніе, а особенно присутствующее знаніе же.

50. Значитъ, всякое узнаваніе есть воспоминаніе: либо „прошедшаго состоянія“ знанія, знанія въ „прошлоемъ его состояніи“, либо знанія въ его „будущемъ состояніи“, причемъ сюда можно причислить еще прерывное переведеніе въ сознаніе потенцій изъ области под- и сверх-сознательнаго, которыя получаютъ, вслѣдствіе такой прерывности, характеръ внѣ-временный. Эти мистическіе процессы умѣстно было бы назвать „памятью настоящаго“. Кромѣ того, формально говоря, есть память будущаго, какъ есть память прошедшаго, обѣ связанныя съ порядкомъ во времени, но перене-

свѣдѣнія прошедшее и будущее, съ ихъ характеристикой во времени, въ настоящее. Но находится ли будущее и эта память будущаго въ конкретной психологіи?—Самое наступленіе будущаго показываетъ, что мы его „вспомнили“, что мы узнали его; когда же сознание, забѣгая впередъ, какъ бы мечется по ряду потенцій, тогда являются прозрѣнія въ будущее, предчувствія, предсказанія и т. д. Къ этимъ же беспорядочнымъ движеніямъ относятся и явленія парамнэзіи, ясновидѣнія и яснослышанія, вѣщихъ словъ, наконецъ, предвосхищеніе научныхъ идей и открытій. Въ частности, съ этими же процессами связано Платоновское ученіе о знаніи, какъ „припоминаніи“, *ἀνάμνησις* міра горняго, и Ницшевское ученіе о „вѣчномъ возвращеніи“: психологически выражаясь, въ основѣ того и другого лежитъ явленіе парамнэзіи, при которомъ кажется, что переживаемое въ данный моментъ уже переживалось точь въ точь такъ же и ранѣе. Каждое научное произведеніе содержится въ предыдущемъ, и наоборотъ; одно можно найти въ другомъ,—стоитъ только покопаться. Это—та простая истина, плохое усвоеніе которе произвело историзмъ XIX-го вѣка, съ его преувеличеннымъ и напряженнымъ вниманіемъ ко всякаго рода историческимъ „вліяніямъ“. Но безспорно, что въ каждомъ произведеніи можно найти всѣ предыдущія и всѣ послѣдующія, залегающія въ немъ, какъ свернутые листочки въ древесной почкѣ. Часто авторъ и не подозреваетъ ни своего отношенія къ прошлому, ни своего отношенія къ будущему,—не понимаетъ себя самого. Однако, изслѣдователю чужой мысли постоянно приходится наталкиваться на фактъ ея связи съ другими. Тутъ невольно вспоминаются слова Генриха Герца о томъ, что иногда кажется, будто математическія формулы гораздо умнѣе того, кто ихъ составилъ, ибо онѣ содержатъ въ себѣ то, чего составитель ихъ даже и не подозревалъ, но что обнаруживается въ нихъ дальнѣйшею исторіей. Эта магическая сила формулъ зависитъ именно отъ того, что составитель ихъ зналъ многое такое, что не опозналъ въ себѣ. И опять, вспоминаются слова Генриха Гейне о томъ, что „у писателя, когда онъ создаетъ свое произведеніе,—такое чувство какъ будто онъ, согласно Пинягорову ученію о переселеніи душъ, велъ предварительную жизнь послѣ странствованія на землѣ подъ различными видами; его вдохновеніе

имѣеть всѣ свойства воспоминанія. Сюда же надо отнести и способность крупныхъ художниковъ предрекать свою судьбу въ символикѣ своихъ произведеній,—напомню для примѣра хотя бы о Лермонтовѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Байронѣ, О. Уайльдѣ и др.

51. Итакъ, суммируя сказанное, мы можемъ написать такую табличку разныхъ видовъ памяти:

Память прошлаго	}	Парамнэзія.
		Галлюцинація о прошломъ.
		Сны о прошедшемъ.
Память настоящаго	}	Ясновидѣніе и ясновыслушаніе (безъ конкретныхъ образовъ).
		Галлюцинація (съ конкретными образами).
		Предчувствіе (безъ образовъ).
Память будущаго	}	Вѣщіе сны.
		Художественное творчество.
		Галлюцинація о будущемъ.
		Предвосхищеніе научныхъ идей.

52. Итакъ, помимо знанія упорядоченнаго, въ смыслѣ послѣдовательности переходовъ отъ потенціи къ потенціи, существуетъ еще цѣлая обширная область знанія, такъ сказать безпорядочнаго.

Въ широкомъ смыслѣ, все это знаніе можетъ быть названо общимъ именемъ мистики или, точнѣе, естественной мистики,—въ противоположность сверх-естественной, благодатной. Мистика и даетъ намъ то знаніе, въ которомъ дѣлается ясною наличность многихъ слоевъ реальности, многихъ отрицательныхъ потенцій. Сюда относятся, прежде всего, кратные сны. Каждый изъ Васъ помнитъ, вѣроятно, тѣ случаи, когда онъ видѣлъ во снѣ, что видитъ сонъ, просыпается, и затѣмъ—просыпался снова. Оказывалось, что первое пробужденіе было во снѣ.—Это сонъ дву-кратный. Бываютъ сны три-кратные, когда происходитъ три послѣдовательныхъ пробужденія, четыре-кратные и т. д., n-кратные сны. Но обращали ли Вы вниманіе на то, что переходъ отъ сна второго слоя, такъ сказать, ко сну обычному сопровождается чувствомъ увеличенія сознанія, перехода изъ чего-то подсознательнаго къ сравнительно сознательному? Это чувство внезапнаго перехода очень потрясающе и тягостно,—отъ него

обыкновенно покрываешься холоднымъ потомъ. Ближе всего возможно сравнить его съ ощущеніемъ низверженія, паденія, быстрого уходященія въ глубь, увлеченія водоворотомъ. Напротивъ того, возвращеніе къ слоямъ простыхъ сновъ или просыпаній сопровождается ощущеніемъ подъема, восхожденія, выплыванія, выскакиванія, вынесенія какимъ-то потокомъ. И тутъ же, какъ бы оглушенный ударомъ, сновидецъ забываетъ видѣнное. Весьма вѣроятно, что Платоновское ученія о забвеніи горняго міра, когда душа, низвергаясь въ сей міръ, ударяется о матерію, должно понимать какъ превращеніе въ мѣлъ и онтологизированіе именно такихъ переживаній, или подобныхъ имъ. Не буду вдаваться въ детали и приводить описанія такихъ n -кратныхъ сновъ и соответствующихъ имъ n -кратныхъ пробужденій. Они имѣются въ изящной литературѣ: у Шелли, у Кота Мурлыки (Вагнера), у Гофмана, у Гоголя, у Лермонтова и др.

Еще болѣе яркую картину этихъ переходовъ Я изъ одной плоскости подсознательнаго въ другую даетъ гипнозъ. Многіе гипнотизируемые хорошо знаютъ это погруженіе на ту или другую ступень безсознательнаго. Особенно замѣтенъ этотъ переходъ, если онъ внезапенъ или быстръ; тогда онъ иногда настолько пугаетъ гипнотизируемаго, что тотъ дѣлаетъ всѣ усилія проснуться, и это или мѣшаетъ гипнозу, или, во всякомъ случаѣ, прерываетъ правильное его теченіе.

То, что при дикарскихъ посвященіяхъ въ мистеріи или въ тайные религіозные общества называется „временною смертью“, что вездѣ, всегда и во всѣхъ иниціацияхъ належаю попытать посвящающемуся, — это, опять, есть одна изъ весьма значительныхъ степеней подсознательности, — отрицательная потенція, A^{-n} , со сравнительно значительнымъ n . Различныя „планы“ теософовъ, вѣроятнѣе всего, тоже имѣютъ отношеніе къ отрицательнымъ степенямъ знанія.

53. Итакъ, познаваніе есть припоминаніе, какъ и учитъ Платонъ. Познаваніе—*ἀνάμνησις*,—припоминаніе того, что видѣла душа до своего рожденія, въ горнемъ мірѣ. Таковы выраженія Платона. Но эта мнѣнческая формулировка гносеологической истины—проекція данныхъ гносеологій на рядъ времени, тогда какъ на самомъ дѣлѣ рядъ времени и, слѣдовательно, мѣлъ возникаетъ изъ ранговыхъ отношеній элементовъ гносеологическихъ.—Вся наука in pace заключена

въ каждомъ данномъ ея состояніи. Всѣ акты знанія—въ данномъ единичномъ актѣ. Всякое сужденіе есть вся фило-софія. Знаніе, какъ бы оно ни было ограничено, по самому существу своему безконечно и, слѣдовательно, ирраціо-нально: какъ бы ни казалось ясно знаніе, оно ясно только въ блестящемъ покровѣ „настоящаго“ (A^0), но темно въ обонхъ своихъ устремленіяхъ,—и къ A^∞ и къ $A^{-\infty}$. Всякая наша мысль затрагиваетъ безконечность знанія. При всякомъ познаваніи шевелится въ душѣ все знаніе.

54. Только этимъ, вотъ, можно объяснить, почему можетъ быть удовлетворенность ограниченнымъ, конечнымъ знаніемъ: ограниченное есть безграничное; часть есть цѣлое: одно есть все, *ἐν καὶ πᾶν*; условное—безусловное, временное—вѣчное. Понять, что въ данной конечной потенціи сознанія, соотвѣтствующей эпохѣ и моменту исторіи и личной жизни, намъ дается безконечное содержаніе и потому ограничить свою похоть въ выявленіи этого содержанія,—не тянуться всегда за будущимъ,—это и значить жить настоящимъ, но слѣлаться мудрымъ, ибо для такового не злоба дня распростирается на вѣчность, а вѣчность смотритъ изъ глубины злобы дня.

55. Такъ, исходя изъ субъективнаго момента знанія, рационалистическая теорія знанія обошла различные виды знанія и по-своему разъяснила всѣ существенныя понятія гносеологіи. Но эта связность ея, сама по себѣ, еще ничего рѣшающаго въ пользу рационализма не говоритъ, ибо мы вовсе не имѣемъ основаній утверждать, что реализмъ, или, его чистѣйшая форма,—интуитивизмъ не отвѣтитъ по-своему на тѣ же вопросы знанія.

Священникъ Павелъ Флоренскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).
